

А. В. Косов

Социальная философия и феномен мифологизации

Социальные мифы – особая универсальная реальность, возникающая тогда, когда в обществе проявляются признаки распада, нарастает отчуждение, перестают действовать устоявшиеся законы, нормы морали, традиции, обычаи. Будучи мета-мифом, объединяющим, а при необходимости, порождающим, создающим, социальный миф выступает как сила, гармонизирующая общественные противоречия. Мифы, являясь одним из истоков культуры любого общества, в современном общественном сознании выступают часто либо в купированном, либо в опосредованном виде, что требует от исследователя навыков реконструкции изначального содержания мифа, умения изучать различные этапы преобразования первоначальной мифомодели, решать проблемы инварианта мифомышления.

Несмотря на тематическую насыщенность и актуальность проблемы, социальный миф еще не стал предметом специального социально-философского анализа, т.к. еще не сложилась целостная концепция рассмотрения социального мифа как феномена общественной жизни, в которой интерес к конкретным проблемам и явлениям мифического сознания сочетался бы с раскрытием специфики его создания, развития и существования, теоретико-методологическим освоением и разработкой понятийного аппарата, потому что вопросы, разрабатываемые в рамках конкретных дисциплин, нуждаются в качественно новой методологической трактовке.

Наличествующие общенаучные методы анализа социальных проблем в современных российских реалиях не эффективны, выработка новых методов по объективным и субъективным причинам затруднена. В этих условиях анализ такого сложного и многомерного социального феномена, как социальный миф, может быть осуществлен на основе системного цивилизационного подхода, аккумулирующего достижения других общественных наук.

1. Стихийное и произвольное формирование и переформирование (ремифологизация) мифа.

Процессы, происходящие внутри и вне социальных мифов, позволяют управлять как ими, так и поведением отдельных индивидов и людских масс, основанных, в основном, на зафиксированных в массовом или групповом сознании синхронных вербальных социальных психотехниках, приводящих к определенным изменениям личностных установок. «Миф» – традиция российской философии (Бердяев, Булгаков, Лосев). По А. Ф. Лосеву, нужно быть до последней степени близоруким в науке, даже просто слепым, чтобы не заметить, что миф есть (для мифического сознания, конечно) наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность. Это не выдумка, но наиболее яркая и самая подлинная действительность. Это – совершенно необходимая категория мысли и жизни, далекая от всякой случайности и произвола. Миф не есть бытие идеальное, но жизненно ощущаемая и творимая, вещественная реальность и телесная, до животности телесная, действительность. Всякий миф, если не указывает на автора, то он сам есть всегда некий субъект. Миф всегда есть живая и действующая личность. Он и объективен, и этот объект есть живая личность. Я говорю, что если вы хотите мыслить чисто диалектически, то вы должны прийти к мифологии вообще, к абсолютной мифологии в частности.

Понятие «миф» подчеркнуто-лингвистическое (речь, слово, толки, слух, весть, сказание, предание) в отличие от понятия «имидж» (образ), и в той или иной мере связано с понятием творчества. Согласно

Косов Александр Владиславович, кандидат психологических наук, доцент. Доцент кафедры теории, истории и методологии социологии Российского государственного социального университета.

Окончил Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского.

Защитил диссертацию на тему «Формирование организаторских умений у будущих учителей».

Имеет научные публикации, среди них: «Мифологизация и ремифологизация как социальный феномен» (2001), «Социальный миф – система, организующая поведение» (2002).

взглядам Лосева, миф не есть историческое событие как таковое, но оно всегда есть слово. Слово – вот синтез личности как идеального принципа и ее погруженности в недра исторического становления. Слово есть заново сконструированная и понятая личность. Понять же себя заново личность может, только войдя в соприкосновение с инобытием и оттолкнувшись, отличившись от него, т. е. прежде всего, ставши исторической. Слово есть исторически ставшая личность, достигшая степени отличия себя как самосознующей от всякого инобытия личность. Слово есть выраженное самосознание личности, уразумевшая свою интеллигентную природу личность, – природа, пришедшая к активно разворачивающемуся самосознанию. Личность, история и слово – диалектическая триада в недрах самой мифологии. Это – диалектическое строение самой мифологии, структура самого мифа. Вот почему всякая реальная мифология содержит в себе: 1) учение о первозданном светлом бытии, или просто о первозданной сущности, 2) теогонический и вообще исторический процесс и, наконец, 3) дошедшую до степени самосознания себя в инобытии первозданную сущность миф есть в словах данная чудесная личностная история.

Идея создания текста мифа и возможности его трансформации (ремифологизация) в другие тексты зародилась именно в психотерапевтической среде. Считается, что в физическом мире будущее не влияет на прошлое. В психике этот принцип причинности нарушается: в нем ожидаемое (предполагаемое) будущее может воздействовать на настоящее и чтобы подчеркнуть это фундаментальное отличие, С.Л. Рубинштейн ввел понятия времени физического и исторического, пространства физического и пространства организма, предполагая, что они подчиняются разным законам. Рассматривая «российский менталитет с культуральной точки зрения И.Ю. Черепанова приходит к выводу, что миф – типично славянский способ воздействия на личность, причем в процессе создания мифа личность сама определяет функцию будущего мифа. И.Ю. Черепанова приводит одну из возможных классификаций мифических текстов: 1) мифы профессиональные, не исключающие элемента личностного самоутверждения; 2) мифы-самоутверждения; 3) мифы, выполняющие функцию «переключения» с одного состояния на другое (ритуал, инициация); 4) мифы коррекционные; 5) мифы адаптационные; 6) мифы детей.

2. Тенденции современного социального мифотворчества, ремифологизации и мифодизайна.

Весьма актуальны проблемы современных изменений, происходящих в мифах, и отслеживание перспективных направлений (тенденций) в различных отраслях науки и человеческого знания. Миф в процессах ремифологизации и мифодизайна во многом отличается от того, что называют мифом в изначальном смысле, тем не менее сохраняет реальную связь новой и традиционной мифологий, а их отношения не определяются лишь внешним сходством двух принципиально различных социальных явлений.

Причинами-предпосылками и основаниями активной демифологизации общественного сознания в XX веке, а также современных тенденций в ремифологизации являются социально-экономические, экологические и политические катаклизмы, ведущие к деструктивным изменениям в общественном сознании: разрушению нравственных установок и обычаев, их преобразованию в мифы (выполняющие контролирующие, воспитывающие, обучающие функции), расширению маргинальных форм сознания и массовидных негативистских настроений. Как причины культуральных изменений в обществе в целом и в частных сообществах можно отметить: переусложненность социальных структур, ведущая к отчуждению и деиндивидуализации, развитие техногенных функционально-формальных систем, включающих в себя человека лишь как носителя функции, «огруппление» мышления в современном обществе. Всем этим и многими другими факторами объясняется резко возросшая потребность в мифе как в универсальном средстве (панацее), избавляющем от внешних и внутренних противоречий, мифе-среде, обеспечивающей принадлежность к определенной общности, дающей чувство защищенности, эмоционального комфорта, духовного «единства», воспитывающей (и обеспечивающей) толерантное поведение.

Таким образом, необходим анализ процессов формирования, развития и трансформаций различных социальных групп, в согласии и вопреки мифам, которым они обязаны своим существованием и которые объясняют (их основная функция со времен классического мифа) тенденции в изменениях в обществах, сообществах и различных социальных группах, происходящие в настоящее время. Одним из наиболее важных моментов в этом направлении считается изменение отношения человека к природе и его взаимоотношений с природой. Вся предшествующая переоценка отношений между человеком и природой имплицитно скрывала в себе десубстанциализацию природы, постепенно превращавшейся в систему функционально зависимых параметров (например, ресурсов). Во многом это произошло благодаря причинному мышлению, подразумевающему сведение всех явлений к их причинам путем эмпирического наблюдения с последующим формулированием законов для прогноза будущего массового поведения. Человечество это устраивало и потому, что такой подход предполагал рационализацию мифотворчества как необходимой составляющей процесса познания, необходимое условие и функцию. Мифы, прочно закрепившиеся в общественном и индивидуальном сознании, всегда комплексны, подразумевая некое единство всех социальных мифов в рамках социальной мифологии.

Основываясь на делении, предложенном Т. И. Ковалевой, указывающем на различия социального мифа в широком (различные типы мифов, в которых идет речь о происхождении, сущности и структуре об-

щества, имеющих в нем проблемах и трудностях, идентификации социальных институтов и субъектов (государства, партий, этносов и т.д. на основе сущностных для мифа характеристик, архетипов и закономерностей) и узком смысле слова (первичная социальная реальность, определяющая исходные мировоззренческие установки человека как субъекта социальных действий и побуждающая его к этим действиям), можно согласиться с ней и в том, что общность взгляда на мир, изначально содержится в этой первичной реальности (что объединяет людей в народ, определяет культуру), причем миф как первичная реальность, задает главные характеристики, актуализируемые в ходе истории и отличающие одну культуру от другой, один народ – от другого. Она же выделила основные признаки современного социального мифа (авторитарность, эмоциональность, концептуальность, системность, неисторичность, наукообразность, конкретность) и установлено, что социальный миф формируется в сознании социальной группы посредством особых процессов: инверсий, рационализации, проекций, персонификаций, которые, по ее мнению, формируют содержание мифа.

Политическая арена может рассматриваться как некая зона, территория существования и развития (в том числе – преобразование) мифов, причем политические мифы, видимо, имеют концептуальные особенности, обусловленные спецификой деятельности, во многом виртуальной (что только расширяет возможности мифотворчества) и в целом как метадеятельности, оторванной от непосредственных орудий труда. Л. Н. Гумилев подчеркивал, что историческая реальность изображается историком или летописцем под углом зрения той политической партии, которой он принадлежит: в зависимости от этого он замалчивает одни факты, придумывает другие и тенденциозно освещает третьи. Создаются грандиозные исторические фальсификации, а некоторые ученые, опираясь на концепцию Н. А. Морозова, пытаются доказать, что целые исторические эпохи являются фальсификациями. Не смотря на неубедительность и малопродуктивность этих попыток, сам факт актуализации подобных исследований, независимо от отношения к ним, является показательным во времена кризиса понятий истины и достоверности.

Современная культура является культурой информационной, постиндустриальной и именно в обществе с переизбытком информации последняя становится мощным средством манипуляции общественным сознанием. Успешность сообщенной информации по средствам масс-медиа зависит, прежде всего, не от ее истинности, а от ее убедительности, что позволило Ж. Бодрийяру в рассуждениях об искажающей роли средств массовой информации сделать провокативное утверждение по поводу американо-иракского конфликта в Персидском заливе в январе 1991 года, что вообще все военные действия там проходили лишь на дисплеях компьютеров, что войны в заливе не было.

Перспективно применение мифов и мифотворчества в рекламе и стратегических маркетинговых коммуникациях, отраслях, находящихся в постоянном поиске потребителей и средств воздействия на их отношение и поведение. Кроме того, специалисты в этих отраслях в последнее время столкнулись с проблемой формирования брендов (психологической зависимости от торговой марки определенного производителя), заставляющих приобретать товар только на основе подсознательного доверия потребителя к его производителю. Этому помогает построенная на принципах мифологического сознания модель вероятностной актуализации обращения, согласно которой сила воздействия составных коммуникативных элементов зависит от степени их актуальности для потребителя и от уровня его подготовленности к осмыслению полученной информации (актуализации). При высоком уровне актуализации выбирается прямой путь убеждения потребителя, при котором используются только рекламные элементы (или аргументы), которые важны для формирования «обоснованного» мнения, действующего через сознание, и, напротив, при низком уровне актуализации выбирается косвенный путь, при котором для убеждения прибегают к таким коммуникационным элементам (мифам), не имеющим отношения к формированию обоснованного мнения.

Способность рекламы и PR создавать благоприятное впечатление о рекламируемом продукте нередко зависит от отношения потребителя к рекламе как таковой. Те обращения, которые нравятся потребителям или, по крайней мере, воспринимаются ими благосклонно, могут способствовать формированию более благоприятного отношения к товару. Реклама, которая не нравится, может ухудшить мнение потребителя о продукте, так отношение потребителя к рекламе очень часто определяет и его отношение к самому товару. Для того чтобы сделать рекламу более убедительной, при ее создании необходимо учитывать и характерные черты, проявляющиеся у потребителя при восприятии рекламного обращения. Наиболее важные из них: мотивация, фактор нервного возбуждения, знания, отношение к рекламе, настроение, индивидуальные особенности. С помощью талантливо построенного мифа можно направить потребительское поведение, указав путь, по которому можно пойти с минимальными затратами. Этими технологиями и пользуется реклама, манипулируя потребительским поведением: подсказка, многократное повторение одного и того же, предоставление иллюзии выбора, применение принципа взаимности, навешивание ярлыков, одноразовое и многократное стимулирование, личность марки.

В связи с сознательным применением мифа (и появлением осознанного процесса мифотворчества) из понятия «культура» исчез оценочный момент, предполагавший трактовку культуры как высокого уровня цивилизованности и утонченности стиля жизни той или иной популяции в отличие от дикости

и примитивизма других человеческих групп. Выйдя за аксиологические рамки, это понятие пересеклось с целым рядом понятий, действующих в том же семантическом поле: цивилизация, идеология, коллективная память, социальная речь, менталитет и др. Перечисленный ряд понятий, как бы ограждая область коллективных представлений, создает феноменологический образ той многосвязной целостности, которую теперь все чаще именуют культурой.

В связи с перемещением понятия «культура» в сторону обозначения специфической системной сущности необходимо отметить еще одну линию в истории формирования культуральной антропологии. В 30-е годы в США представители школы «человеческих отношений» (Э. Мэйо и его коллеги) осуществляли ряд этнографических исследований, показавших роль неформальных факторов (не строго названных организационным климатом) в обеспечении конкурентоспособности корпораций. Более поздние исследования специалистов, выявив специфику ценностных ориентаций, местных обычаев и устных легенд, показали обоснованность уподобления локальных культур корпораций (и других устойчивых организационных структур) культурам бесписьменных обществ, изучаемых классическими антропологами и этнографами. Так, было выяснено, что в крупных организациях, имеющих относительно длительную историю, бытует специфический жанр устного творчества, подобный легендам древних народов – своеобразные фирменные мифы. Анализ содержания таких мифов (или «фирменных историй») позволяет определять основные ценности и личностную модальность сотрудников организации или служащих данного ведомства.

Современные ученые, изыскивающие резервы эффективного управления, широко используют понятие «культура» как ключевую метафору, основанную на мифах (как базовых для «Я-концепции»), позволяющую перенести центр внимания с традиционно изучавшихся элементов деятельности предприятия и организации, таких, как технология, структура и т. п., на менее изученные «человеческие» факторы: сходные представления о мире, общность жизненных ценностей, корпоративный кодекс поведения, локальная мифология.

Актуально и продуктивно применение обучающе-корректирующих воспитывающих мифов в педагогическом процессе. Перспективные подходы к мифотворчеству в педагогическом процессе являются основанием для толерантных отношений и взаимоотношений в социуме в целом и между отдельными социальными группами (вычленимыми по различным признакам из социума), а также отдельными личностями, которым вышеупомянутыми группами делегировано право устанавливать межличностные, межгрупповые и межэтнические отношения с той или иной долей толерантности. Толерантность в этом случае рассматривается в самом широком понимании признаков, тем более устоявшихся понятий в этом понятийном пространстве немного, а различные аспекты понятия «толерантность», с трудом интегрируются в общее и трактуются часто с противоположных точек зрения. Существует множество попыток определить толерантность через смежные категории: доверие, открытость, идентичность, нарциссизм, авторитаризм. Принято считать, что толерантная (приятная) атмосфера: неофициальная, дружеская, наравне, отсутствие субординации, обсуждение любых волнующих тем – всеобщая включенность в некий процесс, ощущение себя единым целым, живущим в общем ритме. Часто под толерантностью понимают: способ принятия межчеловеческих различий, исключающий ксенофобию; приобретенную устойчивость к стрессу (конфликтам, поведенческим отношениям и др.); цивилизованный компромисс; форму сосуществования как норму жизни в мире разнообразия; терпимость (в широком смысле); наличие многих точек зрения, при всей их неустойчивости никак не мешающих друг другу и людям, им приверженным находить между собой общий язык; терпимость (сопровождающаяся отказом от силовых решений) к другим политическим взглядам в ситуации политической неопределенности; ощущение интегрированности (космополитизм); созерцательность, открытость, самоотдача; неэмоциональное принятие других такими, какие они есть; измененное состояние сознания; социокультурная матрица (узаконенная толерантность; мораль.

Очень перспективна профессиональная работы с мифами в рамках психологии (в первую очередь, психологии воздействия), психотерапии (как терапии словом) и конкретно применение метода вербальной мифологизации личности, психолингвистики. Особенно ценно рассмотрение возможных последствий воздействия процессов ремифологизации и демифологизации в этих направлениях человеческой деятельности.

Традиционная лингвистика «нацелена» на изучение реальных явлений языка, так или иначе обработанных сознанием, явления же, связанные с областью бессознательного, ориентированные на операции с установками личности, относятся больше к компетенции психолингвистики, в частности, суггестолингвистики, изучающей феномен суггестии как комплексную проблему; объединяющей древние знания и современные методы, традиционный и нетрадиционный подходы и выделяющей в качестве постулатов следующие положения:

- язык в целом может рассматриваться как явление суггестивное;
- единицей анализа признается текст в широком смысле слова;
- суггестивная лингвистика по предмету своего исследования динамична (изучает процессы), по методам – комплексна, междисциплинарна;
- языковая суггестия вероятна по своей природе, ориентирована на преодоление существующих в каждом синхронном срезе языка норм, причем суггестивные механизмы имеют правополушарную ориентацию, воздействуют на установки личности и общества;

- универсальный, интегративный, диалектический метод познания, описания и обучения – вербальная мифологизация – методологическая основа суггестивной лингвистики.

Неэффективность методов психотерапии сами психотерапевты объясняют двумя основными причинами:

- ограничением чисто вербальными односторонними воздействиями, так как по своей природе смысловые образования нечувствительны к вербальным воздействиям, несущим чисто информативную нагрузку;
- ограничением количественным, там, где в диалоге отсутствует социальное подтверждение полученных вновь смысловых установок личности;
- отсутствие информации о собственно суггестивных резервах языка (тесная связь семиотики с психологией), причем особенно выделяются разработки теории знаков в психологии (Л. С. Выготский), роли знаков в регуляции поведения (Ч. Моррис), семиотической организации сознания В. Н. Волошинова (М. М. Бахтина), экспериментальной психосемантики (Ч. Осгуд). Осмысление языка как знаковой системы послужило мощным стимулом к развитию структурной лингвистики, в психоанализе – семиотики (Ж. Лакан). Из всех знаковых систем наибольшее внимание в психоанализе уделяется языку, ведь главным инструментом этого метода является интерпретация – анализ знаковых структур и в первую очередь структур языковых, поскольку как данное (жалобы, пересказ сновидений, ассоциация), так и искомое (вытесненные мысли) являются дискурсивными текстами.

По мнению Ж. Лакана бессознательное – это не вместилище хаотических инстинктивных влечений, а «та часть конкретной речи в ее трансиндивидуальном качестве, которой не хватает субъекту, чтобы восстановить целостность (континуальность) его сознательной (т.е. дискретной) речи». Понятие бессознательного в теории Лакана совпадает, по существу, с «символической функцией» К. Леви-Стросса, который определяет эту категорию как универсальный набор правил, организующих индивидуальный лексикон и позволяющий субъекту превратить его в речь. Таким образом, бессознательное, согласно Лакану, структурировано как язык, а важнейшими его правилами являются конденсация и смешение. Подтверждения этому положению Лакан находит в работах лингвиста Р. Якобсона, посвященных проблемам афазии.

Наибольший интерес для построения семиотической модели взаимодействия сознания и бессознательного представляет концепция Фрейда о двух принципиально различных «языках» и формах мыслительной деятельности «первичного» и «вторичного» процессов. Фрейд отождествляет бессознательное с первичным процессом, характеризующимся свободой циркуляции энергии, а систему предсознательно-сознательного с вторичным процессом, где происходит задержка, «связывание» энергии. Язык и мышление первичного процесса характеризуется следующими особенностями: 1) оперирование предметными представлениями, мнемическими следами визуальных, тактильных, слуховых и других восприятия, отличающихся слабой дифференцированностью, семантической расплывчатостью, смещенностью и конденсированностью; 2) континуальный характер мышления, пренебрежение к логическим противоречиям; 3) вневременность, или ориентация только в настоящем времени; 4) обращение со словами как с предметными представлениями. Особенности вторичного процесса таковы: оперирование преимущественно словесными представлениями; дискретность операций; абстрактно-логическое мышление.

Как уже отмечалось, суггестивное (латентное) воздействие имеет установочный характер, правополушарно, а правое полушарие, по данным психологов, характеризуется следующими особенностями: 1) отражает мир как участник происходящего, выявляя индивидуальные особенности объектов и событий. Нарушение его функций приводит к изменению восприятия в сторону снижения актуальности событий для человека – тогда отмечается дереализация или деперсонализация; 2) тесно связано с чувственной информацией, которая воздействует «здесь и сейчас»; перерабатывает сигналы, получаемые человеком непосредственно от своего собственного тела, в подавляющем большинстве не осознаваемые; 3) с правым полушарием теснее связано произвольное запоминание; 4) тесная связь отрицательных эмоций с правым полушарием объясняется тем, что неприятные ситуации связаны с опасностью, которая требует быстрого и точного реагирования, то есть, способствуя обострению внимания, отрицательные эмоции повышают скорость реакций и этим улучшают оперативный прогноз; 5) правое полушарие теснее связано с порождением целей, которые предполагают личную эмоциональную значимость какого-либо события, принимая во внимание, что особо тесно правое полушарие связано с эмоциональными подсознательными процессами; 6) правое полушарие «более искренне» и на левой половине лица выражается в большей мере «истинное чувство», тогда как на правой мимика в большей мере произвольно корректируется; 7) правостороннее мышление не чувствительно к противоречиям, а так как действительность сама по себе не знает логических противоречий, то они возникают лишь как результат взаимодействия с ней человека; 8) правосторонний язык адекватен особым формам человеческой практики, где он обладает большей выразительностью, чем левосторонний. Образный язык, свойственный переработке правого полушария, в большой степени един для всех народов.

Путь создания мифа: от слова-номинации – к номинации-тексту. Правополушарная ориентация проявляется здесь, прежде всего, на уровне смысла, неотделимого от формы.

Философское понимание социального мифа, как универсального и наиболее естественного средства репрезентации мира и человека в сознании и мышлении, обеспечивает понимание роли мифа и сказки в процессе мифологизации и ремифологизации действительности, выяснение специфики символа и символического сознания (что, в свою очередь, помогает понять многообразие и внутреннюю взаимосвязь неосознаваемых, невербализуемых форм осмысления и актуализации мира, невыразимых в понятийно-логических способах презентации, но доступно раскрывающих полноту и целостность мира и собственно-го образа в нем). Видимо, именно философское обобщенное понимание мифов, мифотворчества, ремифологизации, символизации и интерпретации символов, методов работы символического сознания помогает ориентироваться в многообразии существующих психотехник и не попадать в зависимость от тех или иных направлений. Миф, является специфическим средством отношения человека к миру, которое следует отличать от родственных ему посредников взаимоотношений человека с миром, и часто смешиваемых с ним средств духовно-практического освоения реальности.

Одним из важных направлений проведенного исследования явился анализ отношения символа и мифа. Символ выступает как основной строительный материал мифа. Поэтому анализ мифологического сознания выявляет наиболее характерные черты символа и символического сознания. Рассмотрение символа, с одной стороны, в отношениях с близкими ему средствами освоения человеком мира, а с другой стороны, в контексте целостности мифологического сознания позволило сделать определенные выводы о коренных, глубинных свойствах символа и сформулировать основные признаки более общего, чем мифологическое, символического сознания. Символическое сознание предстает как такой тип освоения действительности, который, будучи ведущим способом традиционно-архаического отношения человека к миру, тем не менее свойствен и человеку современной культуры. Оно позволяет субъекту в ходе взаимодействия с реальностью обнаруживать и актуализировать в символах все новые смыслы бытия, не объективируемые в рациональной форме и не сводимые к утилитарным смыслам чувственно воспринимаемой обыденной реальности.

Актуальность анализа символа и символического сознания для культуры нашего времени в значительной мере определяется кризисом одностороннего рационализма и сциентизма, игнорировавших значимость в реальности человеческой жизни ценностных установок сознания, всей полноты живого личностного отношения человека к миру, предполагающего нерелефлексивную, аффективно переживаемую неразрывную связь человека с объемлющим его универсумом, в том числе и на уровне бессознательного. В символическом сознании проявлена многоуровневость, «полионтологичность» мира в его единстве и в соотнесенности с многоуровневостью внутреннего мира человека, многообразием форм его ментальности и сознания.

Результаты проведенного философского анализа символа и символического сознания весьма актуальны для исследований современной культуры, предполагающих необходимость отказа от гипертрофии рационалистического подхода, рассматривающего символ либо как простой синоним знаковости, либо как некий пережиток архаической ментальности. Символ и знак определяют два типа функционирования сознания, работы с сознанием, а значит, и два типа регулирующей роли сознания в поведении и деятельности человека. Каждый из этих типов сознания составляет последовательно две фазы процесса становления личности в культуре – начальную, восходящую к архаическим слоям культуры, связанным с символом как средством смыслоориентации человека в мире, и более позднюю, связанную с освоением научного знания и формированием научной картины мира. Смешение, неразличение этих типов сознания и фаз их становления в практике обучения и воспитания ведет к утрате или редукции многообразия путей культурного развития личности, снижает развивающие возможности образования, не говоря уже о том, что при этом утрачиваются возможности формирования историко-культурных и онтогенетических взаимосвязей символического и научно-объективирующего сознания, взаимообогащения этих форм сознания в процессе их функционирования и развития.

Смена позиций в трактовке человеческого сознания, его преобразующей роли обозначилась вместе с распространением открытий и практики психоанализа, который начал успешно корректировать поведение человека, адресуясь к бессознательному, к «досознательным» формам регуляции деятельности, но не только классический, но и различные направления современного психоанализа и гуманитарной психотерапии апеллируют к укорененности в психике человека внерациональных форм сознания, к символическому сознанию, в котором фиксированы неразрывность мира и субъекта с окружающим миром. Мифологическое сознание мыслится как особая реальность внутреннего мира человека, определяющая индивидуальное мироотношение и миропонимание.

Литература

1. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Происхождение мифа, метод и средства его изучения (о сравнительной мифологии) // Миф или сказка? М., 1995. С. 106–140.
2. Баранов Г.С. Роль метафоры в теоретическом познании и репрезентация социальной реальности / Автореф. дис. ... д-ра философских наук Новосибирск, 1994.
3. Бирлайн Дж. Ф. Параллельная мифология. М., 1997.
4. Бэндлер Р., Гриндер Дж. Трансформэйшн. Нейролингвистическое программирование и структура гипноза. СПб., 1995.
5. Веселовский А.Н. Сравнительная мифология и ее метод // Миф или сказка? С. 140–148.
6. Голан А. Миф и символ. М., 1994.
7. Горин С.А. А вы пробовали гипноз? Канск, 1994.
8. Зеленин Д.К. Избранные труды: Очерки русской мифологии. М., 1995.
9. Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Независимый психотерапевтический журнал. 2002. № 2. С. 7–13.
10. Ковалева Т.И. Миф как феномен социальной реальности. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1999.
11. Косов А.В. Мифотворчество, виртуализация восприятия и толерантность // Ежегодник РПО «Психология в системе наук». Т.9, вып. 1. М., 2002. С. 173–174.
12. Косов А.В. Мифологизация и ремифологизация как социальный феномен. Калуга, 2001.
13. Косов А.В. Организационная психология: Мифы в организации. Калуга, 2001.
14. Косов А.В., Косова Н.Н. Мифы и мифотворчество в PR и рекламе // Материалы Третьей межвузовской научно-практической конференции «Пути реализации туристского потенциала региона». Калуга, 2002. С. 60–63.
15. Косов А.В. Миф как составляющая маркетингового управления поведением (на примере имиджевых регуляторов) сотрудников и клиентов // Труды Второй Всероссийской науч.-практич. конф. «Психология и экономика». Т.2. М.-Калуга, 2002. С. 142–145.
16. Косов А.В. Мифы и ритуалы в рамках экономического поведения // Труды Второй Всероссийской н.-пр. конф. «Психология и экономика». Т.2. Москва-Калуга, 2000. С. 317–320.
17. Косов А.В. Социальный миф – система, организующая поведение // Труды Второй Всероссийской н.-пр. конф. «Психология и экономика». Т.2. Москва-Калуга, 2002. С. 321–324.
18. Косов А.В. Мифологизация и ремифологизация в процессах социализации и ресоциализации личности // Психология взрослости и старения. М., 2002. № 4 (20). С. 30–39.
19. Косов А.В. Социальный миф как организующая система // Тезисы сообщений 1-го Всероссийского социального конгресса. М., 2002.
20. Косов А.В., Минигалиева М.Р. Мифы в социальной работе // Психология взрослости и старения. С. 40–63.
21. Косов А.В. Социальные мифы в развитии общества и личности // Материалы чтений «Человек и общество: проблемы ответственности». М., 2002.
22. Кулагина Н.В. Миф и демифологизация // Россия: духовная ситуация времени. М., 1999. № 2. С. 12–27.
23. Кулагина Н.В. Миф: архаика и современность // Россия: духовная ситуация времени. М., 1998. № 1. С. 10–19.
24. Лосев А.Ф. Миф – развернутое Магическое Имя // Символ. М., 1992. № 28 С. 217–230.
25. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М., 1991.
26. Мелетинский Е.И. Время мифическое // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1991. С. 252–253.
27. Носов Н.А. Психологические виртуальные реальности. М., 1994.
28. Осипов Г.В. Мифы уходящего времени // Социс. 1992. № 6. С. 23–28.
29. Пезешкян Н. Торговец и попугай. Восточные истории и психотерапия. М., 1992.
30. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб., 1996.
31. Пятигорский А. Мифологические размышления. Лекции по феноменологии мифа. М., 1996.
32. Сатин Д.К. Психологические аспекты современного мифа // Ломоносовские чтения. М., 1997.
33. Семинар с доктором медицины Милтоном Г. Эриксоном (Уроки гипноза). М., 1994.
34. Токарев С.А., Мелетинский Е.М. Мифология // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1991. С. 11–20.
35. Хюбнер К. Истина мифа. М., 1996.
36. Черепанова И.Ю. Дом колдуньи. Начала суггестивной лингвистики. Ч. 1–2. Пермь, 1995.
37. Черепанова И.Ю. Текст как фактор изменения установки личности (лингвистические аспекты суггестии). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1992.
38. Элиаде М. Аспекты мифа. М., 1996.
39. Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. М., 1996.
40. Эриксон М. Мой голос останется с вами. СПб., 1995.
41. Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991.
42. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.
43. Sproul B.C. Primal myths. San Francisco, 1991.